

Михаил Мартынов

Московский педагогический государственный университет

НАРОДНАЯ ПРАВДА И ЕЕ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ РУССКОГО АНАРХИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Русскому анархизму свойственна идеализация общинной народной жизни. Народ, согласно анархистам, живет инстинктом, который тянет его «на сторону жизни, на сторону правды»¹. При этом «народный инстинкт никогда не ошибается»². Следуя своему инстинкту, народ безошибочно выбирает дорогу к свободе. Государство и его власть необходимо разрушить, чтобы освободить естественное начало народного духа, творческие силы которого способны обновить мир, переустроить его на принципах федерализма и самоорганизации. Народная правда является центральной в конструировании анархического идеала безгосударственных общественных отношений.

Вопросу о том, что такое народная правда, каковы ее ценностные параметры в русской культуре, каким образом народная правда связана с правовым сознанием, посвящен целый ряд исследований. Среди них особо отметим работу Владимира Кантора³, в которой автор рассматривает проблему соотношения права с народной правдой в русской историко-культурной традиции, и статью Александра Янова⁴, посвященную, в частности, анализу взаимосвязи народной правды с анархическим мировоззрением. В нашей статье основное внимание

¹ М.А. Бакунин: *Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель*. В кн.: того же: *Избранные сочинения*. В 5 т. Т. 3. Петербург–Москва: Голос труда 1920, с. 83.

² М.А. Бакунин: *Коммунизм*. В кн.: того же: *Анархия и Порядок*. Москва: ЭКСМО-Пресс 2000, с. 139. Эту мысль в дальнейшем точно повторит Петр Алексеевич Кропоткин. В *Речах бунтовщика* он тоже скажет о том, что «народный инстинкт не ошибается» (П.А. Кропоткин: *Речи бунтовщика*. Москва: ЛИБРОКОМ 2010, с. 176).

³ В. Кантор: *Федор Степун: «Народная правда» против правового сознания как явления христианской политики*. В кн.: «Правда». *Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории*. Ред. Н.С. Плотников. Москва: Ключ-С 2010, с. 240–257.

⁴ А. Янов: *Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев)*. «Двадцать два» 1978, № 4, с. 191–210.

будет сосредоточено на сопоставлении семантики народной правды с идеологией русских анархистов. Опираясь на лингвистические исследования правды в русской культуре (Нина Давидовна Арутюнова, Анна Вежбицкая и др.), мы постараемся показать роль народной правды в конструировании русского анархического дискурса.

2. Как отмечает Арутюнова, «‘правда’ — одно из ключевых понятий русской культуры»⁵. То же самое вслед за Арутюновой повторяет и Вежбицкая: «Правда как существительное — уникальное русское понятие», и оно является для русской культуры одним из ключевых⁶. Вежбицкая рассматривает важнейшие характеристики правды, отмечая среди прочего, что для русской культуры характерно однозначное противопоставление: говорить правду — это хорошо, не говорить правду — это плохо. Со словами «искренний», «прямой» и выражениями «открытая душа», «душа нараспашку», «душа-человек», «говорить по душам», «отвести душу», «излить душу» связана, как правило, положительная оценка⁷. При этом Вежбицкая замечает, что:

во многих других культурах идея, что хорошо говорить правду, несмотря на обстоятельства и на возможные последствия, могла бы представляться очень странной. Во многих других культурах люди думают, что говорить правду трудно и опасно и что часто легче и лучше говорить то, чего ожидают другие, то, что принято говорить или даже употреблять готовые конвенциональные формулы⁸.

Смыслы русской правды, отмеченные Вежбицкой, определяют, по нашему мнению, важнейшие характеристики русского анархического дискурса. Например, в текстах Кропоткина характерное для анархизма нигилистическое отрицание определяется как «абсолютная искренность» или правдивость. Такое отрицание свойственно, прежде всего, русским нигилистам и отсутствует в чистом виде в революционной жизни стран Западной Европы. «В России это движение — борьба за индивидуальность — приняло гораздо более мощный характер и стало более беспощадно в своем отрицании, чем где бы то ни было»⁹. Нигилист, согласно Кропоткину, считает, что жизнь

⁵ Н.Д. Арутюнова: *Истина и этика*. В кн.: *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*. Ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. Москва: Наука 1995, с. 7.

⁶ А. Вежбицка: *Русские культурные скрипты и их отражение в языке*. В кн.: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев: *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры 2005, с. 475.

⁷ Там же, с. 492.

⁸ Там же, с. 485.

⁹ П.А. Кропоткин: *Записки революционера*. Москва: Московский рабочий 1988, с. 283.

современного человека полна лживости и фальши, неискренности. Одинаково лицемерным для нигилиста являются и формы внешней вежливости, и эстетические споры, и брак без любви, и проч. Кропоткин пишет: нигилист «отказался от условных форм светской болтовни и выражал свое мнение резко и прямо, даже с некоторой аффектацией внешней грубоватости». Или: «С тою же самою откровенностью нигилист отрезывал своим знакомым, что все их соблезнования о ‘бедном брате’ — народе — одно лицемерие, покуда они живут в богато убранных палатах, на счет народа, за который так болеют душой»¹⁰. И здесь важно, что нигилист отрезывал, т.е. высказывался максимально искренне — как бы резал правду в глаза.

Важно также отметить, что в русском анархизме народная правда дополняется семантикой равенства, позволяющей рассматривать правду не только как «уникальное русское», но и как универсальное понятие. Кропоткин пишет:

Вынес я еще одно впечатление из этой юношеской работы [...]. Я имею в виду дух равенства, крайне определенно выраженный не только в русских крестьянах, но вообще в деревенском населении всех стран¹¹.

3. В представление о правде встроена семантика святости (неба), власти и насилия.

3.1. Семантика слова правда связана с представлением о божественном миропорядке, а также с идеей договора Бога и человека. Правда, как отмечает Борис Успенский, «может пониматься как договор между человеком и Богом, и в этом смысле это слово семантически соотносится со словом мир ‘община’»¹². Правда отражает реальность духовного порядка, который поддерживает порядок земного существования. В данном случае правда понимается в некотором исходном значении как божественный, нравственный закон. В общем-то, к некоторой изначальности в своем поиске правды стремились и анархисты.

Как пишет Арутюнова, «общее направление семантической эволюции ‘правды’ шло от закона к истине, от этической оценки к истинностной. Отношение к установлению и отношение к миру обнаруживали в ходе этой эволюции то взаимное тяготение, то взаимное отталкивание»¹³. Вообще понятие правды «в высшей степени противоречиво. Сама

¹⁰ Там же, с. 285 (разрядка — М.М.).

¹¹ Там же, с. 132.

¹² Б.А. Успенский: *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис 1994, с. 191.

¹³ Н.Д. Арутюнова: *Истина и этика...*, с. 7.

история его развития часто парадоксальна»¹⁴. Правда объединяет «два разных и разнонаправленных отношения — отношение суждения (высказывания, текста) к действительности и отношение действия (поведения) к норме [...]», т.е. «поле правды объединяет истинностную и этическую (деонтическую) оценки»¹⁵. При этом указанное единство не является стабильным, оно может нарушаться. Таким образом, с одной стороны, можно говорить о «правде-истине», а с другой о «правде-справедливости». Наше внимание будет в основном обращено на отношение п р а в д ы к закону, имеющему божественные основания. Иными словами нас интересует скорее «правда человека», чем «правда факта».

С такой правдой связана семантика святости, конструируемая в текстах русских анархистов, в частности, при помощи семантики неба. Славянская общность — не механическое собрание частей в одно искусственное целое, как раз таким искусственным является «государственное тело», напротив, эта общность отмечена изначальным единством, и поэтому объединение славян имеет естественный характер. Это не простое территориальное присоединение, имеющее государственно-политический смысл, но единение метафизическое, как говорит Михаил Александрович Бакунин, «святое единение»¹⁶. Отсюда и революционная деятельность по утверждению славянского единства — «святая и правая»¹⁷. «Святыми» Бакунин также называет и восстание, и войну¹⁸, если они совершаются ради освобождения и объединения славян.

Я, как русский, вижу спасение моих земляков только в общности со всеми остальными братьями, в федерации свободных племенных союзов. Вы знаете, что я поставил задачей своей жизни стремление к этой великой и святой цели¹⁹.

3.2. Правда соответствует слову п р а в ы й, которое объединяет такие значения, как п р я м о й, п р а в и л ь н ы й, с п р а в е д л и в ы й, п р а в е д н ы й. Как отмечает Юрий Сергеевич Степанов, «эквивалентом рус. п р а в ь, п р а в ы й служит латин. *rectus* с теми же основными значениями. Оно восходит к существительному *rex, regis*, означающему 'царь'»²⁰. Этимологической основой *rex* является и.-е. корень *reg-* со

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ М.А. Бакунин: *Воззвание к славянам*. В кн.: того же: *Избранные сочинения*. В 5 т. Т. 3. Петербург–Москва: Голос труда 1920, с. 55.

¹⁷ Там же, с. 51.

¹⁸ Там же, с. 40.

¹⁹ Там же, с. 56.

²⁰ Ю.С. Степанов: *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический Проект 2004, с. 462.

значениями прямой, направлять. Следуя объяснениям Эмиля Бенвениста, можно заметить эту прямую линию у слов, связанных с *reg-*. Например, *regula* — «инструмент для проведения прямой линии, линейка». Проводить такие правильные линии, обозначающие черты правопорядка, отделяющие священное от мирского, может только лицо, находящееся ближе всех остальных к священному, к *axis mundi* и поэтому обладающее самой высшей властью²¹.

Поскольку анархическая община конституируется народной правдой, семантика власти оказывается как бы изначально встроеной в анархический идеал. Здесь следует отметить, что к свободе народа, к его единству, ведет прямая дорога, — естественное неотклоняющееся безостановочное движение, воспроизводящее священную мировую ось (*axis mundi*). Последняя связана с представлениями о власти, реализующей себя во всей полноте. В текстах русских анархистов можно встретить немало примеров, характеризующих направленность движения подобным образом.

Эти положения по своей сути парадоксальны, т.к. от анархизма, отрицающего власть, следует скорее ожидать обратного — не воспроизводство сакрального, а его прорыв, ведь как раз сакральное обеспечивает легитимность власти, питает ее вневременными и эссенциональными смыслами.

В этом контексте необходимость царской власти для осуществления народного единства, декларируемая, например, в текстах Бакунина, не выглядит случайной. Для Бакунина русский царь не случайный диктатор, он имеет историческое значение в деле освобождения славян. От царя только требуется ограничить свою политическую власть. Царь должен стать надежным национальным куполом для «вольной и великой федерации всех славянских народов»²².

В целом отношение к царю у Бакунина непростое. В отдельных фрагментах его текстов можно встретить мысли о свержении монархии:

Государь, я уверил себя, что Россия, для того чтобы спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцию, свергнуть Вашу царскую власть, уничтожить монархическое правление и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе славянского движения²³.

²¹ Э. Бенвенист: *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Пер. с фр. Н.Н. Казанского, Б.П. Нарумова, С.Г. Проскурина, О.М. Савельевой, Н.Л. Сухачева. Москва: Прогресс–Универс 1995, с. 252.

²² М.А. Бакунин: *Исповедь*. В кн.: того же: *Собрание сочинений и писем. 1828–1876* 22. В 4 т. Т. 4. Москва: 1935, с. 140.

²³ Там же, с. 151.

В других фрагментах Бакунин объявляет замысел свержения монархии неправильным: «Несмотря на все политическое безумие, я не мог быть цареубийцею»²⁴.

Любопытно отметить, что Бакунин, несмотря на призывы к освобождению и объединению славян, был противником «панславизма», но «панславизма» государственного, официального, соответствующего формуле, предложенной Михаилом Петровичем Погодиным, «Православие, Самодержавие и Славянство», которая на закате правления Николая I сменила прежнюю политику «официальной народности»²⁵, разработанную Сергеем Семеновичем Уваровым.

Уже в двадцатых годах тайное общество демократов, а именно южная отрасль этого общества, руководимая Пестелем, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым возымело первую мысль о вольной всеславянской федерации. Император Николай овладел этой мыслью, но переделал ее по своему. Всеславянская вольная федерация обратилась в его уме в панславистское единое и самодержавное государство, разумеется, под его железным скипетром²⁶.

В этом «громадном и всепоглощающем» государстве, в этом «царстве штыка и кнута»²⁷ невозможна никакая народная жизнь, т.к. государство это — «кнотовое, С.-Петербургское»²⁸. Понятый так панславизм, согласно Бакунину, — «свободо-противный и народоубийственный»²⁹.

Но верно также и то, что святое народное единство нуждается в царской власти. При этом царская власть не тождественна государственной власти. Царь устанавливает отношения с трансцендентным, он является проводником святости, гарантом правды. Для осуществления этих функций царь должен ограничить свой деспотизм, превратиться из фигуры политической в фигуру сакральную, и в этом качестве возглавить народное движение.

Иными словами, во взаимоотношениях царя и народа существенной для Бакунина является семантика неба. Например, в *Народном деле* Бакунин подчеркивает, что царь — «идеал русского народа, это род русского Христа, отец и кормилец русского народа, весь проникнутый любовью к небу и мыслью о его благе»³⁰.

²⁴ Там же, с. 129.

²⁵ «Политическую религию», как называл ее Уваров. См.: А.Л. Янов: *Россия и Европа*. В 3 кн. Кн. вторая. *Загадка николаевской России. 1825–1855*. Москва: Новый хронограф 2007, с. 45.

²⁶ М.А. Бакунин: *Избранные сочинения...*, Т. 1, с. 139.

²⁷ Там же, с. 36.

²⁸ Там же, с. 110.

²⁹ Там же, с. 102.

³⁰ М.А. Бакунин: *Народное дело...*, с. 81.

Восприятие царя как «отца и кормильца русского народа» выглядит странно в контексте общих мировоззренческих установок русского анархизма. «Отец народа» скорее близок принципу отеческого управления государством и принципу централизации, которым анархисты противопоставляли принципы федерализма и свободной коммуны. Эта противоречивая ситуация обусловлена, как нам кажется, особенностями воспроизводства мифологии народной правды в анархическом дискурсе. С одной стороны, священный характер народной правды подчеркивал естественность и эссенциональность безгосударственных основ народной жизни, но с другой — причастность к священному можно было обеспечить только за счет царя и его власти.

Здесь следует также сказать, что позитивный идеал русского царя — это не изобретение Бакунина. На отношение Бакунина к царю, по всей видимости, сильное влияние оказал русский идеал власти. В русской политической традиции, согласно Александру Доброхотову, этот идеал выражен при помощи идеала праведного царя, который «предполагает соединение в одном лице санкционированного свыше права на господство и — в то же время — некоего высшего морально-религиозного знания»³¹. В русской фольклорной традиции идеал праведного царя выражен именем Белого царя.

Белый царь выше всех царей не потому, что он могущественней или богаче, а потому, что он — носитель истинной веры, ее хранитель и заступник. [...] Мифологема Белого царя соединяет религиозную истину и власть не совсем так, как это делает византийская или римская идеология. Дело не в том, что монарх берет на себя функции верховного жреца, а в том, что он непосредственно обладает истиной и потому получает источник власти³².

В этом контексте понятно, что анархическое отрицание государства не означает автоматического отрицания царской власти. Власть государства опирается на отвлеченные рационалистические построения западных политических теорий, царская власть — на структуры священного.

Впрочем, к этому можно добавить одно наблюдение. К началу XX века в текстах русских анархистов роль царя как кормильца, защитника и отца русского народа переосмысливается. Царь перестает быть защитником: «Товарищи, после 9-го января [...], после всех кровавых событий, пронесшихся от конца до конца по всей земле русской, мы поняли,

³¹ А.Л. Доброхотов: *Белый царь, или Метафизика власти в русской мысли*. В кн.: того же: *Избранное*. Москва: Территория будущего 2008, с. 122.

³² Там же, с. 126.

что царь нам не защита [...]»³³. Из кормильца царь превращается в царь-голод: «Бери молот и... царь-голод будет уничтожен»³⁴.

Идея царя как отца народа также оказывается несостоятельной. Отрицание государства именно как отечества, осуществляющего контроль во имя идеи общего блага, становится типичным для текстов русских анархистов начала XX века: «То, что называют отечеством или государством, для работников есть дьявольская машина, созданная для грабежа, насилия и убийств»³⁵. «У нас нет отечества. Наше Отечество — Всемирная Революция»³⁶.

3.3. Семантика насилия составляет буквальный смысл или внутреннюю форму таких собственно русских выражений как «подлинная правда», «подноготная правда», «в ногах правды нет».

Для русских анархических текстов является типичным представление о том, что анархический идеал достижим только путем разрушительной, революционной борьбы. Это путь насилия, который должен положить конец насилию государства. При этом заметим, что на уровне идеологии отношение анархистов к насилию — отрицательное. Но здесь не существует одной линии. Например, для Бакунина — отрицательное. Но в листовках, манифестах различных анархистских групп начала XX века утверждается, что путь к анархии — это путь «бомб и террора»³⁷. Многие анархические группы, возникающие в начале XX века в России, были по своей сути террористическими организациями.

4. Итак, поиск народной правды воспроизводится в русском анархизме как поиск идеальных (святых) общественных отношений, свободных от государственного начала. В представление о народной правде встроена семантика неба и власти, воспроизводящаяся в текстах русских анархистов за счет указаний на святость народного единства и необходимость для его осуществления царской власти.

Анархический дискурс, тем самым, оказывается внутренне противоречивым. На идеологическом уровне анархисты декларируют отказ от насилия, отрицают власть и метафизические условия ее воспроизводства. Народная правда, включенная в основания анархического проекта, характеризует анархизм противоположным образом, как проповедующий насилие и опирающийся на священный характер власти.

³³ *Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.* Сост. В.В. Кривенький. В 2 т. Т. 1. Москва: РОССПЭН 1998, с. 148.

³⁴ Там же, с. 352.

³⁵ Там же, с. 596.

³⁶ Там же, с. 591.

³⁷ Там же, с. 116.

Указанные противоречия возникают во многом по причине пассивного воспроизводства в русском анархическом дискурсе устойчивых культурных смыслов п р а в д ы. Концепт п р а в д ы как бы естественным образом принуждает языковое сознание воспроизводить эти устойчивые смыслы, несмотря на то, что многие из них не согласуются с принципами анархического мировоззрения: в наших примерах только «образ русского нигилиста» имеет однозначное согласование.

С другой стороны, здесь важно также отметить, что выявленные языковые недоразумения вряд ли могут иметь сколько-нибудь серьезные идеологические последствия. Это связано, прежде всего, с тем, что в анархизме в некоторых контекстах присутствует осознание принципиального разрыва между языком и мировоззрением: важнейшие темы анархизма не являются прозрачными для языка, они сопротивляются языку. Так, например, принципиально невыразимой является тема свободы. Как пишет известный современный анархист Петр Рябов, «мы можем сказать — что есть зло, отчуждение, несвобода, но никогда не можем сказать — что есть свобода и что есть личность иначе, как ‘формально’ и ‘апофатически’»³⁸.

Michail Martynow

PRAWDA LUDOWA I JEJ ROLA
W KONSTRUOWANIU ROSYJSKIEGO DYSKURSU ANARCHICZNEGO

Streszczenie

Celem artykułu jest badanie semantyki „prawdy ludowej” i ustalenia jej roli w procesie konstruowania rosyjskiego dyskursu anarchicznego. Autor pokazuje, że stałe sensory kulturowe kategorii „prawda” określają niektóre osobliwości rosyjskiego anarchizmu. Za materiał badawczy posłużyły teksty kluczowych postaci rosyjskiego anarchizmu (Michaiła Bakunina, Piotra Kropotkina), a także teksty, np. ulotki, manifesty czy programy rosyjskich anarchistów końca XIX — początku XX ww.

Mikhail Martynov

THE NATIONAL TRUTH AND ITS ROLE
IN DESIGNING OF THE RUSSIAN ANARCHICAL DISCOURSE

Summary

The paper considers the concept of “the national truth” and its role in designing the Russian anarchical discourse. The author shows that cultural meanings of the truth that define some features of the Russian anarchism. Object of the analysis is the group of texts of key representatives of anarchical thought in Russia (Mikhail Bakunin, Piotr Kropotkin), and also some texts of leaflets, manifestos and programs of the Russian anarchists of the end of XIXth — the beginning of the XXth century.

³⁸ П. В. Рябов: *Анархические письма*. Москва: Радикальная теория и практика 2013, с. 37.